

Русская баллада

РУСАЛКА

Сборник Русалка. Русская баллада

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9963151
Русалка. Русская баллада: Фолио; Харьков; 2008
ISBN 978-966-03-4135-7*

Аннотация

Если вам нравятся истории о таинственных событиях, роковой любви, побеждающей смерть, о мире духов и привидений, если вы способны ценить благородные рыцарские чувства и женскую преданность, вы, безусловно, полюбите эту книгу. В ней представлены лучшие образцы русской баллады – от В. Жуковского до А. Блока.

Содержание

Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ	5
Светлана	6
Узник	18
Иван Иванович Козлов	25
Умиравший гейдук	25
Тайна	27
Федор Николаевич Глинка	30
Клятва	30
Кондратий Федорович Рылеев	32
Смерть Ермака	32
Антон Антонович Дельвиг	36
Романс	36
Александр Сергеевич Пушкин	38
Сраженный рыцарь	38
Песнь о вещем Олеге	40
Утопленник	46
«Жил на свете рыцарь бедный...»	50
Евгений Абрамович Баратынский	53
Мадонна	53
Николай Михайлович Языков	57
Олег	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Русалка. Русская баллада

Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ

Светлана

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.

Пой, красавица: “Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом наложье”».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далеко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался – вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле

В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами

Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпеньем кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто все вокруг,

Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит,
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;

Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в черну даль,
Подымая гривы;
Брежит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрее,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и выюга.
Возвратиться – следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж? В избушке гроб; накрыт
Белую запоной;
Спасов лик в ногах стоит;

Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Все в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнится,

Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь – на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о Творец!
Милый друг ее – мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна

Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.

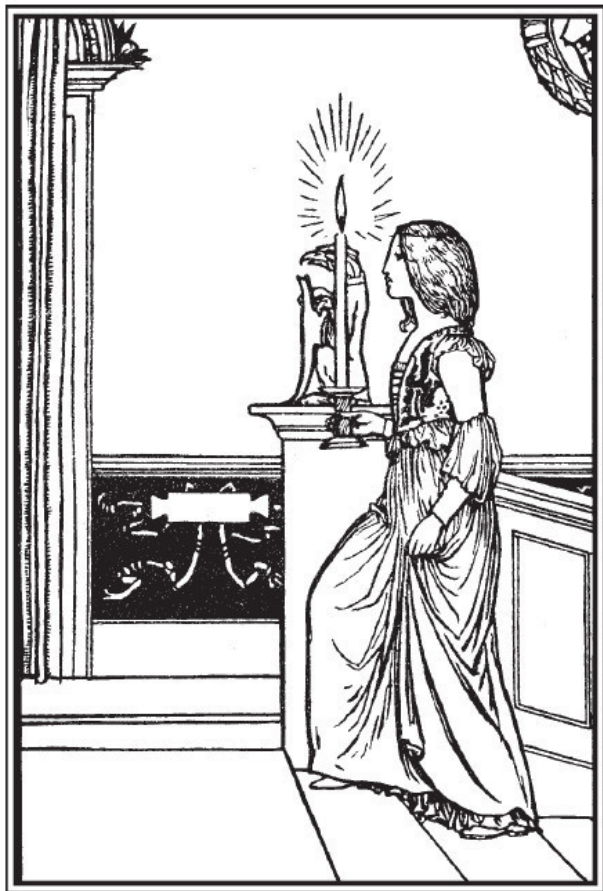
Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

.....

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава – нас учили – дым;
Свет – судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:

Здесь несчастье – лживый сон;
Счастье – пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо – бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

Узник

«За днями дни идут, идут...
Напрасно;
Они свободы не несут
Прекрасной;
Об ней тоскую и молюсь,
Ее зову, не дозовусь.

Смотрю в высокое окно
Темницы:
Все небо светом зажжено
Денницы;
На свежих крыльях ветерка
Летают вольны облака.

И так все блага заменить
Могилой;
И бросить свет, когда в нем жить
Так мило;
Ах! дайте в свете подышать;
Еще мне рано умирать.

Лишь миг весенним бытием
Жила я;
Лишь миг на празднике земном
Была я;

Душа готовилась любить...
И все покинуть, все забыть!»

Так голос заунывный пел
В темнице...
И сердцем юноша летел
К певиче.
Но он в неволе, как она;
Меж ними хладная стена.

И тщетно с ней он разлучен
Стеною:
Невидимую знает он
Душою;
И мысль об ней и день и ночь
От сердца не отходит прочь.

Все видит он: во тьме она
Тюрёмной
Сидит, раздумью предана,
Взор томный;
Младенчески прекрасен вид;
И слезы падают с ланит.

И ночью, забывая сон,
В мечтанье
Ее подслушивает он
Дыханье;
И на устах его горит

Огонь ее молодых ланит.

Таясь, страдания одне
Делить с ней,
В одной темничной глубине
Молить с ней
Согласной думой и тоской
От неба участи одной —

Вот жизнь его: другой не ждет
Он доли;
Он, равнодушный, не зовет
И воли:
С ней розно в свете жизни нет;
Прекрасен только ею свет.

«Не ты ль, – он мнит, – давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутного тоской,
Волненьем жизни молодой?»

Тебя в пророчественном сне
Видал я;
Тобою в пламенной весне
Дышал я;
Ты мне цвела в живых цветах;
Твой образ веял в облаках.

Когда же сердце ясный взор
Твой встретит?
Когда, разрушив сей затвор,
Осветит
Свобода жизнь вдвоем для нас?
Лети, лети, желанный час».

Напрасно; час не прилетел
Желанный;
Другой Создателем удел
Избранный
Достался узнице молодой —
Небесно-тайный, не земной.

Раз слышит он: затворов гром,
Рыданье,
Звук цепи, голоса... потом
Молчанье...
И ужас грудь его томит —
И тщетно ждет он... все молчит.

Увы! удел его решен...
Угрюмый,
Навек грядущего лишен,
Все думы
За ней он в гроб переселил
И молит рок, чтоб поспешил.

Однажды – только занялась
Денница —
Его со стуком расперлась
Темница.
«О радость! (мнит он) скоро к ней!»
И что ж?.. Свобода у дверей.

Но хладно принял он привет
Свободы:
Прекрасного уж в мире нет;
Дни, годы
Напрасно будут проходить...
Погибшего не возвратить.

Ах! слово милое об ней
Кто скажет?
Кто след ее забытых дней
Укажет?
Кто знает, где она цвела?
Где тот, кого *своим* звала?

И нет ему в семье родной
Услады;
Задумчив, грустию немой
Он взгляды
Сердечные встречает их;
Он в людстве сумрачен и тих.

Настанет день – ни с места он;

Безгласный,
Душой в мечтанье погружен,
Взор страстный
Исполнен смутного огня,
Стоит он, голову склоня.

Но тихо в сумраке ночей
Он бродит
И с неба темного очей
Не сводит;
Звезда знакомая там есть;
Она к нему приносит весть...

О милом весть и в мир иной
Призванье...
И делит с тайной он звездой
Страданье;
Ее краса оживлена:
Ему в ней светится *она*.

Он таял, гаснул и угас...
И мнилось,
Что вдруг пред ним в последний час
Явилось
Все то, чего душа ждала,
И жизнь в улыбке отошла.
Иван Иванович

Иван Иванович Козлов

Умирающий гейдук Иллирийская баллада

«Орел ты мой белый! спустися на дол,
Слети с поднебесья, мой белый орел!
Взгляни: я Заремба, в крови пред тобой,
Бывало, ты помнишь, в боях удалой,
Телами пандуров тебя я кормил;
Прошу, чтобы службу ты мне сослужил.
Потом пусть добычей орлятам твоим
С кровавым, с отважным и сердцем моим.

Пустую лядунку мою ты схвати
И к брату Рамейке скорее лети.
Двенадцать зарядов с собой я носил,
Двенадцать пандуров я ими убил.
Но с ними таился Бенаки-злодей;
Бездушный, боялся он сабли моей, —
Булат неизменный лишь выхватил я,
Он сзади кинжалом ударил меня.

Лети – и родимый за брата отмстит.

И вот еще перстень – в нем яхонт горит —
И шитый узорно платок мой цветной,
Отдай их вернее Милене младой;
И станет мой перстень она целовать,
А слезы узорным платком отирать».
И мчит орел белый в безмолвьи ночном
Лядунку и перстень с узорным платком.

И к брату Рамейке орел прилетел;
Рамейко с друзьями в похмелье сидел,
О брате убитом едва потужил,
Пустую лядунку откинул и пил.
К прелестной Милене помчался орел,
И деву младую он в церкви нашел;
И к ней он явился с заветным кольцом, —
Милена с Бенаки стоит под венцом.

Тайна

В лесу прибит на дубе вековом
Булатный щит, свидетель грозных сеч;
На том щите видна звезда с крестом,
А близ щита сверкает острый меч.

И свежую могилу осеняет
Тенистый дуб, и тайны роковой
Ужасен мрак: никто, никто не знает,
Кто погребен в лесу при тьме ночной.

Промчался день, опять порой урочной
Ночь темная дубраву облегла;
Безмолвно все, и медь уж час полночный
На башне бьет соседнего села.

И никогда страшнее не темнела
Осенняя ночь: она сырою мглой
Дремучий лес, реку и холм одела —
Везде покров чернеет гробовой.

Но меж деревьев багровый блеск мелькает,
И хрупкий лист шумит невдалеке,
И факел дуб вблизи уж озаряет:
Его чернец в дрожащей нес руке.

К могиле шел отшельник престарелый,
И вместе с ним безвестно кто, в слезах,
Идет, бледней своей одежды белой;
Печаль любви горит в ее очах.

И пел чернец по мертвом панихиду,
Но кто он был – чернец не поминал;
Отпел, вдали сокрылся он из виду,
Но факел всё в тени густой мерцал.

На свежий дерн прекрасная упала
И, белую откинув пелену,
Потоки слез по мертвом проливала,
Могильную тревожа тишину;

И вне себя, вдруг очи голубые
На щит она внезапно подняла
И, локоны отрезав золотые,
Кровавый меч их шелком обвила;

Безумья яд зажегся в мутном взоре,
Сердечный вопль немеет на устах.
Она ушла, и лишь в дремучем боре
Таинственный один остался страх;

И меж дерев уж факел не мерцает,
Не шепчет лист, и тайны роковой
Ужасен мрак: никто, никто не знает,
Кто погребен в лесу при тьме ночной.

Федор Николаевич Глинка

Клятва (Баллада)

Раз весенним вечерком
Лиза с милым шла дружкой,
А луна светила...
«В небе век горит луна;
Буду век тебе верна!» —
Лиза говорила.
В небе все горит луна;
Лиза другу неверна:
Друга разлюбила.
И печален, грустен он,
Позабыл и грусть и сон:
Грусть его убила.
А неверная с другим
Счастьем хвалится своим,
О былом забыла.
Но случилось вечерком
Тем же ей идти лужком,
А луна светила...
На нее глядит луна,

Будто жизнь полна —
В ней душа заныла...
Кто-то в сумраке мелькнул,
Кто-то ей шепнул:
«За обман – могила!»
И с тех пор, всё день за день,
Лиза сохнет... Лиза – тень!
Младость погубила!..
И, печальная, конца
Как невеста ждет венца:
Так бледна, уныла.
Он настал – ее конец!
Саван белый – под венец,
Брачный одр – могила!
И, вздохнув, прохожий стал,
Надпись гробную читал:
«За обман – могила!..»

Кондратий Федорович Рылеев

Смерть Ермака

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, – мнил герой, —
Друзья, под бурю ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он

И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей,
В разбоях злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны —
Нам смерть не может быть страшна,
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы – не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, казачьи челны.
С вождем покой в объятых сна

Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны.
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильнее —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока, —
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь – дар царя —

Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

АНТОН АНТОНОВИЧ ДЕЛЬВИГ

Романс

«Проснися, рыцарь, путь далек
До царского турнира,
Луч солнца жарок, взнуздан конь,
Нас ждет владыка мира!»

– «Оставь меня! Пусть долог путь
До царского турнира,
Пусть солнце жжет, пусть ждет иных
К себе владыка мира».

– «Проснися, рыцарь, пробудись!
Сон по трудам услада;
Спеши к столице! Царска дочь
Храбрейшему награда!»

– «Что мне до дочери царя?
Мне почестей не надо!
Пусть их лишушь, оставь мне сон,
Мне только в нем отрада!

Имел я друга – друга нет,

Имел супругу – тоже!
Их взял Создатель! Я ж молюсь:
К ним и меня, мой Боже!

Ложусь в молитве, сон едва
Глаза покроет – что же?
Они со мной, всю ночь мое
Не покидают ложе.

Меня ласкают, говорят
О Царстве Божьем, нежно
Мне улыбаются, манят
Меня рукою снежной!

Куда? За ними! Но привстать
Нет сил! Что сплю я, знаю!
Но с ними жить и в сне я рад
И в сне их зреть желаю!»

Александр Сергеевич Пушкин

Сраженный рыцарь

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря.
Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынном клубится река,
Ленивой грядою идут облака,
Меж ими луна золотая.

Чугунные латы на холме лежат,
Копье раздробленно, в перчатке булат,
И щит под шоломом заржавым,
Вонзились шпоры в увлажненный мох:
Лежат неподвижно, и месяца рог
Над ними в блистанье кровавом.

Вкруг холма обходит друг сильного – конь;
В очах горделивых померкнул огонь,
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин —
И смотрит на латы – конь верный один
И дико трепещет и стонет.

Во тьме, заблудившись, пришелец идет,
С надеждою робость он в сердце несет —
Склонясь над дорожной клюкою,
На холм он взобрался, и в тусклую даль
Он смотрит и сходит – и звонкую сталь
Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец, кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
По камням шелом покатился,
Скрывался в нем череп... при звуке глухом
Заржал конь ретивый, скок лётном на холм —
Взглянул... и главою склонился.

Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Всё мнится, что кости хрустят под ногой...
Но утро денница выводит —
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
И конь вокруг погибшего ходит.

Песнь о вещем Олеге

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.

Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава – отрада;
Победой прославлено имя твое:
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся – однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой

И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащенное стремя.
Прощай, утешайся – да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевую поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? – промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль лёгок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доньне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!»

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Утопленник

Простонародная сказка

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
«Врите, врите, бесенята, —
Заворчал на них отец; —
Ох, уж эти мне ребята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,

Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалась река.
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря воеет; вдруг он внемлет:

Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» – «Эй,пусти, хозяин!» —

«Ну,какая там беда?

Что ты ночью бродишь, Каин?

Черт занес тебя сюда;

Где возиться мне с тобою?

Дома тесно и темно».

И ленивою рукою

Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —

Что же? голый перед ним:

С бороды вода струится,

Взор открыт и недвижим,

Всё в нем страшно онемело,

Опустились руки вниз,

И в распухнувшее тело

Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул:

Гостя голого узнав,

Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!» —

Прошептал он, задрожав.

Страшно мысли в нем мешались,

Трясся ночь он напролет,

И до утра всё стучались

Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

«Жил на свете рыцарь бедный...»

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию Деву,
Матерь Господа Христа.

С той поры, сторев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни Святому Духу век
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei¹ кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
В встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

«Lumen coeli, sancta rosa!²» —
Восклицал в восторге он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,

¹ Радуйся, Божия Матерь (*лат.*).

² Свет небес, святая роза (*лат.*).

Всё безмолвный, всё печальный,
Без причастья умер он.

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря собирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но Пречистая, конечно,
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

Евгений Абрамович Баратынский

Мадонна

В Италии где-то, но в поле пустом
(Не зрелось жилья на полмили кругом)

Меж древних развалин стояла лачужка,
С молоденькой дочкой жила в ней старушка.

С рассвета до ночи за тяжким трудом,
А все-таки голод им часто знаком.

И дочка порою душой унывала;
Терпеньем скудея, на Бога роптала.

«Не плачь, не кручинься ты, солнце мое! —
Тогда утешала старушка ее. —

Не плачь, переменится доля крутая:
Придет к нам на помощь Мадонна святая.

Да лик ее веру в тебе укрепит,
Смотри, как приветно с холста он глядит!»

Старушка смиренная с речью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою,

И с теплою верою в сердце простом
Она с умиленным и кротким лицом

На живопись темную взор поднимала,
Что угол в лачужке без рам занимала.

Но больше и больше нужда их теснит;
Дочь плачет и ропщет, старушка молчит.

С утра по руинам бродил любопытный:
Забылся, красе их дивясь, ненасытный.

Кров нужен ему от полдневных лучей:
Стучится к старушке, и входит он к ней.

На лавку садился пришлец утомленный,
Но вспрынул, картиною вдруг пораженный.

«Божественный образ! чья кисть это, чья?
О, как не узнать мне! Корреджий, твоя!

И в хижине этой творенье таится,
Которым и царский дворец возгордится!

Старушка, продай мне картину свою,
Тебе за нее я сто пиастров даю».

– Синьор, я бедна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую. —

«Я двести даю, согласися продать».
– Синьор, синьор! бедность грешно
искушать. —

Упрямства не мог победить он в старушке,
Осталась картина в убогой лачужке.

Но вскоре потом по Италии всей
Летучая весть разнеслася о ней.

К старушке моей гость за гостем стучится,
И дверь отворяя, старушка дивится.

За вход она малую плату берет
И с дочкой своею безбедно живет.

Так, веру и гений в едино сливая,
Равно оправдала их Дева Святая.

Николай Михайлович Языков

Олег

Не лес завывает, не волны кипят
Под сильным крылом непогоды;
То люди выходят из киевских врат:
Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужие народы
На берег днепровский в долину спешат,
Могильным общественным пиром
Отправить Олегу почетный обряд,
Великому бранью и миром.

Пришли – и широко бойцов и граждан
Толпы обступили густыя
То место, где черный восстанет курган,
Да Вещего помнит Россия;
Где князь бездыханный, в доспехах златых,
Лежал средь зеленого луга,
И бурный товарищ трудов боевых —
Конь белый – стоял изукрашен и тих
У ног своего господина и друга.

Все, малый и старый, отрадой своей,

Отцом опочившего звали,
Горючие слезы текли из очей,
Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопил и стенал
Народ, покрывавший долину;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.